

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 1 (16)

2024

С. Д. Титаренко

Вячеслав Иванов и Освальд Шпенглер: две модели культуры («Родное и вселенское» и «Закат Европы»)

УДК 1(470+430)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_146
EDN QESVAA

Аннотация: Статья посвящена малоизученной проблеме компаративного анализа книги О. Шпенглера «Закат Европы» (1918–1922) и сборника статей Вяч. Иванова «Родное и вселенское» (1917). Эта проблема представляет интерес для понимания позиции Иванова как религиозного мыслителя в конце 1910-х гг. Рассматриваются культурфилософские идеи и тезаурус Шпенглера и Иванова. Тезаурусный подход как основа сравнительного анализа позволяет найти универсальные константы их мышления. Книги Иванова и Шпенглера были опубликованы после событий Первой мировой войны и представляют две модели развития европейской культуры. С одной стороны, — культурфилософское пророчество Шпенглера о цикличности и «закате» европейской культуры, которая переходит в цивилизацию, с другой — религиозно-философские идеи Иванова о преодолении кризиса культуры на основе идей христианства, славянского единения и всеединства. Сборник содержит некоторые малоизвестные статьи Иванова, например «Вселенское дело» и другие, в которых он рассматривает проблемы, волновавшие Шпенглера, такие, как «культура и цивилизация», «фаустовская культура», «живая душа народа», «Европа и Россия». В других статьях он анализирует темы «славянство и Россия», «трагическая душа народа», «Церковь и культура». Его культурно-феноменологический проект — профетическая модель единой европейской славянско-русской культуры. Иванов опирается на феноменологию христианского сознания, философию В. С. Соловьева и идеи Ф. М. Достоевского. Он считает Россию пространством «русской идеи» как идеи «живой души» и истоком возрождения новой культуры.

Ключевые слова: Вячеслав Иванов, Освальд Шпенглер, «Закат Европы», кризис европейской культуры, концептуализация культуры, фаустовская культура, христианская религия, русская религиозная культура, феноменология, тезаурус.

Об авторе: Светлана Дмитриевна Титаренко

Доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: s.titarenko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-69-81-0669>

Для цитирования: Титаренко С. Д. Вячеслав Иванов и Освальд Шпенглер: две модели культуры («Родное и вселенское» и «Закат Европы») // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 146–161.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00514 «Научно-педагогическое наследие Вячеслава Иванова (малоизвестные статьи и неопубликованные материалы)» ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН.

Svetlana D. Titarenko

Vyacheslav Ivanov and Oswald Spengler: Two Models of Culture ("Native and Universal" and "The Decline of the West")

UDC 1(470+430)(091)

DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_146

EDN QESVAA

Abstract: The article is dedicated to insufficiently studied problem of the comparative analysis of Oswald Spengler's book "The Decline of the West" (1918–1922) and Vyacheslav Ivanov's collection of articles "Native and Universal" (1917). This problem is of interest as it allows to understand Ivanov's position as a religious thinker at the end of 1910s. Cultural and philosophical ideas and thesaurus of Spengler and Ivanov are considered. Thesaurus approach as a basis of comparative analysis allows to find universal constants of their thinking. Ivanov's and Spengler's books were published after the First World War and represent two models of European culture development. From one point of view, there is Spengler's cultural and philosophical prophesy about history's cyclicity and "the decline" of European culture that transfer into civilization. From another point of view there are Ivanov's religious and philosophical ideas about overcoming crisis of culture on the basis of Christian ideas, Slavic unity and unitotality. The collection of works contains some relatively unknown Ivanov's articles, for example, "Universal Deed" and others. In these articles he considers problems that concerned Spengler: "culture and civilization", "Faustian culture", "living soul of people", "Europe and Russia". Other articles are dedicated to the analysis of topics "Slavdom and Russia", "tragic people's soul", "Church and culture". His cultural and phenomenological project is a prophetic model of the united European Slavic-Russian culture. Ivanov relies on phenomenology of Christian consciousness, V. S. Solovyev's philosophy and F. M. Dostoevsky's ideas. He considers Russia the space of the "Russian idea" as an idea of the "living soul" and the source of new culture renaissance.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Oswald Spengler, "The Decline of the West", the crisis of European culture, conceptualization of culture, Faustian culture, Christian religion, Russian religious culture, phenomenology, thesaurus.

About the author: **Svetlana Dmitrievna Titarenko**

Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Russian Literature at St. Petersburg State University.

E-mail: s.titarenko@spbu.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-69-81-0669>

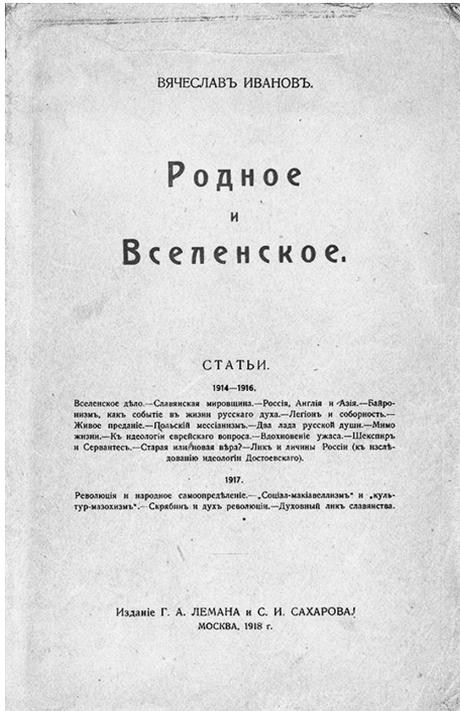
For citation: Titarenko S. D. Vyacheslav Ivanov and Oswald Spengler: Two Models of Culture ("Native and Universal" and "The Decline of the West"). *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 1 (16), pp. 146–161.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23–28–00514 "Vyacheslav Ivanov's Scientific and Pedagogical Legacy (Little-Known Articles and Unpublished Materials)" Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

Я имею в виду вопрос о смысле существования России во всемирной истории. <...> Мы поищем ответа в вечных истинах религии.

В. С. Соловьев, «Русская идея»¹

Книга Освальда Шпенглера «Закат Европы» (1918–1922), в которой была концептуализирована проблема кризиса европейской культуры, вызвала бурные дискуссии в России, особенно ее первый том, который стал предметом напряженных философских споров². Шпенглеровский миф о «закате Европы» сыграл значительную роль в становлении общественной мысли 1920–1930-х гг.³ Кроме того, он оказал существенное влияние на художественное сознание этого времени и нашел отражение в литературном творчестве⁴. Одним из ответов на проблемы кризиса европейской культуры стала модель возрождения гуманизма и религии, предложенная Вячеславом Ивановичем Ивановым (1866–1949) как писателем-мыслителем и представителем русской религиозной философии в его третьем сборнике статей «Родное и вселенское» (1917).

Сборник статей Вяч. Иванова «Родное и вселенское» (1918 г.)

Андрей Белый, высказавший ряд полемических суждений в адрес автора, понимал проблематику этого сборника в свете грядущего апокалипсиса, когда «плавятся в нас все застывшие истины» и когда пришло время «уловить ритм грядущих теорий в их расплавленном состоянии»⁵. Этот сборник религиозно-философской публицистики и эссеистики Вяч. Иванова в полном объеме еще не переиздавался и нуждается в осмыслении, современных научных комментариях, анализе проблематики и религиозно-философских идей автора, чтобы понять природу исканий и особенность позиции мыслителя в 1910-е гг. Особый интерес сборник представляет в связи с типологически близким ему явлением – книгой пророчеств Шпенглера, которая появилась почти в одно и то же время.

«Закат Европы» и «Родное и вселенское» создавались авторами в период трагических событий Первой мировой войны. Стал очевиден крах гуманистических

¹ Соловьев В. С. Русская идея / Пер. с фр. Г. А. Рачинского. М.: Путь, 1911. С. 3.

² См.: Освальд Шпенглер и Закат Европы: Сб. ст. М.: Берег, 1922; *Вышеславцев Б. П.* Закат Европы (Об Освальде Шпенглере) // Феникс. М., 1922. Кн. 1. С. 114–122; *Браудо Е. М.* Освальд Шпенглер и «Крушение западной культуры» // Парфенон / Под ред. А. Л. Волынского. СПб., 1922. С. 27–31.

³ См.: *Тиме Г. А.* Миф о «закате Европы» в мировоззренческой самоидентификации России начала 1920-х гг. // *Ее же.* Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 246–267.

⁴ См. об этом: *Степанова А. А.* «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг: поэтология фаустовской культуры. СПб.: Алетей, 2015.

⁵ *Белый А.* Сирин ученого варварства (по поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское») // Вяч. Иванов: pro et contra: Антология. Т. 1 / Сост. К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин; коммент. Е. В. Глухой, К. Г. Исупова, С. Д. Титаренко, А. Б. Шишкина и др. СПб.: РХГА, 2016. С. 442.

и религиозных ценностей, особенно после революции 1917 г. в России. Поэтому книга Шпенглера и сборник Иванова объединяются темой глубокого кризиса европейской культуры. О своем предвидении этой проблемы Н. А. Бердяев писал в статье «Предсмертные мысли Фауста», посвященной появлению книги Шпенглера: «Еще до мировой войны я очень остро ощутил кризис европейской культуры, наступление конца целой мировой эпохи и выразил это в своей книге „Смысл творчества“. Во время войны я написал статью „Конец Европы“, в которой выразил мысль, что начинаются сумерки Европы, кончается Европа как монополист культуры, что неизбежен выход культуры за пределы Европы, к другим материкам, к другим расам»⁶.

Этой теме были посвящены статьи «Крушение гуманизма» (1919) А. Блока и «Кризис культуры» (1920) А. Белого. Она найдет отражение в «Переписке из двух углов» (1921) Вяч. Иванова и М. Гершензона, в статье Иванова «О русской идее» (1909), затем в ее переработке под названием «Русская идея» (1930), в его книге-исследовании «Достоевский: Трагедия. Миф. Мистика» (Тюбинген, 1932), а также в переписках с М. Бубером, А. Пеллегрини, Э. Р. Курциусом и другими европейскими мыслителями. В статье «Русская идея» вслед за В. С. Соловьевым⁷ Вяч. Ивановым ставится проблема предназначения русского народа и русской культуры. Как пишет Р. Берд в предисловии к ее публикации, его любимыми словами являются «всенациональное» и «всемирное»⁸, как и в книге «Родное и вселенское», как мы сможем убедиться в процессе ее анализа.

Сравнительный анализ книг Шпенглера «Закат Европы» и «Родное и вселенское» Иванова даст возможность понять модели культуры, показанные европейским мыслителем и представителем русской религиозной философии. Кроме того, он позволит прояснить позицию Вяч. Иванова в этот сложный, переломный период его жизни и творчества перед его отъездом из Советской России сначала в Баку в 1920 г., а затем в Рим в 1924 г. Нас будет интересовать сравнительный анализ философии культуры у Шпенглера и в сборнике статей Иванова, позволяющий, во-первых, выявить общие или достаточно близкие мыслителям константы мышления. Во-вторых, на этой основе мы хотели бы показать глубочайшие разногласия Иванова и Шпенглера в истолковании ими проблем философии культуры.

Анализ общности культурфилософских идей русского мыслителя и Шпенглера был намечен в исследованиях К. Г. Исупова, который рассматривал эту проблематику, но лишь на материале творчества Иванова периода символизма 1900-х — начала 1910-х гг. Исследователь выделил принципы, заимствованные и Ивановым, и Шпенглером у Гете (например, принцип морфологии и метаморфоз «культурных единств»); общие идеи «на уровне образных идеологем» (т.к., по его мысли, «оба автора тематизируют представления о кризисе культуры, своего рода эсхатологию культуры»)⁹. Он также проследил использование общих образно-мифологических и культурфилософских понятий «миф», «имя», «число», «лик/лицо/личина», «пещера Платона», «лабиринт», «фаустовская душа», «ландшафт»¹⁰.

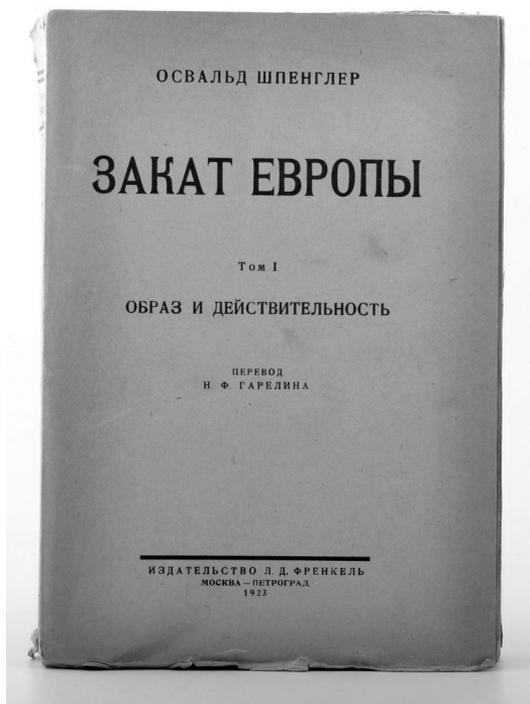
⁶ Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и Закат Европы: Сб. ст. М.: Берг, 1922. С. 56.

⁷ Издание работы В. С. Соловьева «Русская идея» (1888) сохранилось в списке книг из библиотеки Вяч. Иванова. См. каталог его библиотеки: https://www.v-ivanov.it/issledovaniya_i_materialy/katalog_biblioteki_na_russkom_yazyke/ (дата обращения: 05.05.2023). Труды Соловьева, определившие христианскую модель культуры Иванова, такие, как «Россия и Вселенская Церковь» (М.: Путь, 1911), «Владимир Святой и христианское государство» (М.: Путь, 1913) и др., были в его чтении. См.: *Обатнин Г. В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Вяч. Иванов: между Св. Писанием и поэзией: VIII Междунар. конф. (28 окт. — 1 нояб. 2001, Рим): В 2 т. Т. 2 // *Europa Orientalis*. 2002. Vol. XXI (2). С. 291, 303.

⁸ Иванов В. Русская идея / Пер. с нем. М. Кореновой, предисл. и коммент. Р. Берда // Символ: журнал христианской культуры. 2008. № 53–54. С. 88.

⁹ Исупов К. Г. О. Шпенглер и Вяч. Иванов // *Его же.* Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: РХГА, 2010. С. 536–547.

¹⁰ Там же.

Первый том «Заката Европы» О. Шпенглера, изданный в России в 1923 г.

(Ф. А. Степун, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, Я. М. Букшпан) сообщали: «При своем изложении авторы пользовались вышедшим в 1920-м году 32-м изданием I-го тома и отчасти также брошюрой Шпенглера "Preussentum und Sozialismus", составляющей эскиз к невышедшему еще II-му тому»¹⁴.

Публикация книги Шпенглера обсуждалась в переписках Ф. А. Степуна и О. А. Шор — близкого друга и помощницы Иванова в римский период. Как пишет А. Б. Шишкин, Степун был знаком с отцом Шор, вхож в его дом в Москве, где встречался с Г. Шпетом и Вяч. Ивановым. Именно через О. А. Шор Степун узнал о выходе из печати книги Шпенглера «Закат Европы», следствием чего стало возможным появление сборника «Освальд Шпенглер и Закат Европы»¹⁵. Степун писал: «Через Ольгу Александровну дошли до нас слухи, что в Германии появилась замечательная книга никому раньше не известного философа Освальда Шпенглера,

И у Шпенглера, и у Иванова оказывается типологически близкой область некоторых культурфилософских понятий, что объясняется общими источниками, о которых писал С. С. Аверинцев, анализируя книгу «Закат Европы». Он показал, что Шпенглер испытал влияние идей И. Гете и Ф. Ницше, немецкой философии и музыки Р. Вагнера¹¹. Эти источники являются «вечными спутниками» и для Иванова. Но принципиальное отличие имеют модели культуры и тезаурус как отражение сознания мыслителей. Иванов опирается на модель греко-римской и христианской культуры Европы и России, которые взаимосвязаны, а Шпенглер анализирует морфологию мировой культуры как сверхсложную целостность и циклические единства.

Первый том книги Шпенглера, как известно, вышел в переводах на русский язык в 1923 г.¹², но он был знаком многим представителям русской мысли по немецкому изданию, о чем писал Степун в своих воспоминаниях¹³. В предисловии, составленном в декабре 1921 г., авторы сборника «Освальд Шпенглер и „Закат Европы“»

¹¹ Аверинцев С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. Ежегодник Философского общества СССР. 1991. Культура и религия. М.: Наука, С. 183–203.

¹² См.: Шпенглер О. Философия будущего (Из кн. «Закат Европы» — «Der Untergang des Abendlandes») / Пер. с нем. Иваново-Вознесенск, 1922; *Его же*. Закат Европы. Т. 1. Образ подлинности / С предисл. проф. А. Деборина; пер. с нем. Н. Ф. Горелина. Т. 1: Образ и действительность. М.; Пг.: Л. Д. Френкель, 1923; *Его же*. Закат Европы / Пер. с нем. под ред. А. А. Франковского. Т. 1, ч. 1: Причинность и судьба. Пб.: Academia, 1923.

¹³ «Я неожиданно получил из Германии первый том «Заката Европы». <...> Самый вид, самый запах полученной из вражеской Германии книги волновал каким-то почти поэтическим волнением» (Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. М.: Прогресс-Литера; СПб.: Алетейя, 1995. С. 513).

¹⁴ См.: Предисловие // Освальд Шпенглер и Закат Европы. С. 3.

¹⁵ Шишкин А. Б. Предисловие // Федор Степун — Ольга Шор: из переписки 1920-х гг. / Подг. текста, примеч. А. Волкова // Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge). 2013. Vol. 1. S. 246.

предсказывающего близкую гибель европейской культуры»¹⁶. Известно, что Степун позже послал свою книгу, созвучную идеям русской религиозной философии, О. Шпенглеру¹⁷.

Иванов находился в переписках с авторами статей сборника «Освальд Шпенглер и закат Европы» Н. А. Бердяевым, Ф. А. Степуном и С. Л. Франком и поэтому проблематика книги Шпенглера была ему известна. В этот период творчества он упоминает книгу философа в ироническом ключе¹⁸, но о знакомстве с ней говорят некоторые его произведения, например, «Римские сонеты» (1924). Е. А. Тахо-Годи, рассматривая «немецкий фон» «Римских сонетов» в связи с концепцией культуры и истории, обратила внимание на воплощенную в цикле проблематику гибели России и судьбу римской империи. Влияние эсхатологии Ницше и Шпенглера на Иванова она считает определяющим, указывая, что «ивановские идеи „души культуры“, культуры-организма, знающего рождение, развитие и смерть, во многом опередили концепцию Шпенглера (с его умирающей культурой, с его подходом к культуре сквозь призму „аполлонической“, „фаустовской“ и „магической души“)¹⁹.

Сборник Вяч. Иванова «Родное и вселенское» был посвящен памяти Федора Михайловича Достоевского. Он включает широко известные философско-критические статьи Иванова, посвященные творчеству Достоевского и позднее вошедшие в его книгу «Достоевский: Трагедия. Миф. Мистика» (Тюбинген, 1932)²⁰. Это статьи «Легион и соборность» (1910) и «Лик и личины России» (1916). Целый ряд опубликованных здесь статей и эссе еще недостаточно изучены²¹. Это «Вселенское дело» (1914), «Славянская мировщина» (1914), «Живое предание» (1915), «Россия, Англия и Азия» (1915), «Польский мессианизм как живая сила» (1916), «Два лада русской души» (1916), «Старая или новая вера» (1916), «Духовный лик славянства» (1917), «Революция и народное самоопределение» (1917), «Скрябин и дух революции» (1917) и др.

¹⁶ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 512.

¹⁷ В своем письме из Дрездена от 16 декабря 1933 г. он просил у немецкого мыслителя отзыва на свою книгу «Лик России и лицо революции» (“Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution”) и писал ему: «Я в высшей степени ценю Вас как мыслителя и автора, не смотря на мою иную точку зрения (зимой 1919/20 года в голодающей и замерзающей Москве я прочитал четыре доклада о Вашем „Закате“, которые прослушало более 2000 человек. Книга о Вас, составленная Бердяевым, Франком и мною, тиражом в 10000 экземпляров, была раскуплена в Москве и Петербурге)». См.: Степун Ф. А. Письмо Шпенглеру / Пер. с нем. Р. Гергеля, под ред. В. К. Кантора // Степун Ф. А. Письма / Сост., коммент., вступ. статья В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. С. 231.

¹⁸ См., напр., его пьесу-комедию «Любовь-мираж», где говорится: «Поэтов, может быть, досужий подражатель, / Того ль, кто про „Закат Европы“ протрубил...» (Иванов В. Любовь — мираж? / Предисл. Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина, подгот. текста А. Б. Шишкина // *Euroa Orientalis*. 2001. Vol. 3. С. 70).

¹⁹ Тахо-Годи Е. А. Немецкий фон «Римских сонетов» Вяч. Иванова (О мотивах плавань-странствия, слепоты и заката и об их связи с ивановской концепцией культуры и истории) // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы Междун. научн. конф. 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. С. 109.

²⁰ См. совр. издание: Иванов В. Достоевский: Трагедия. Миф. Мистика / Отв. ред. А. Б. Шишкин, О. А. Фетисенко; пер. с нем. Д. Вяч. Иванов и М. Ю. Коренева; коммент. Н. М. Сегал-Рудник, С. Д. Титаренко, О. Л. Фетисенко при участии К. А. Баршта, Л. Л. Ермаковой, К. Г. Исупова. СПб.: Пушкинский дом, 2023. См. также: Сизоненко Д., *прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б.* «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // *Русско-Византийский вестник*. 2023. № 4 (15). С. 144–175.

²¹ Некоторые из них рассматривались в связи с авторской концепцией трех книг Вяч. Иванова: «По звездам» (1909), «Борозды и межи» (1916), «Родное и вселенское» (1917). См.: *Маштакова Л. В.* Книги философско-критических статей Вяч. Иванова как художественное единство и культурфилософский манифест // *Критика и семиотика*. 2018. № 1. С. 216–229.

Истоком близости идей Шпенглера и Иванова могли быть труды Н. Я. Данилевского, которые Иванов хорошо знал²², судя по сделанной им отсылке в сборнике «Родное и вселенское». Данилевского он определяет как представителя реакции и «отступника» от того, что он называет «внутренние святыни славянофильства». В статье «Живое предание», отстаивая идею славянского единения на основе христианства и предостерегая от идей «биологического» национализма, Иванов пишет:

Этот грех славянофильства кажется мне последствием исходной зависимости его идеологии от источников не чисто духовного опыта. Но вскоре все славянофильство обосновывается на идее Церкви, оценивает Русь по степени ее верности церковной правде и останавливается на пороге жертвенного отречения от всего лишь феноменологически-русского. После этого наблюдается момент реакции в пользу чистой феноменологии; представители этой реакции (как Данилевский) являются отступниками от внутренней святыни славянофильства, поскольку в своем забвении церковного и вселенского смысла русской идеи становятся на почву национализма биологического и усматривают в русском деле борьбу за историческое преобладание определенного «культурного типа»²³.

Неприятие Ивановым теории культурно-исторических типов, намеченных Данилевским в книге «Россия и Европа» (1871), обусловлено, как и у В. С. Соловьева, тем, что здесь не находит подтверждения идея всеединства. Данилевский признает «человечество за пустую абстракцию», а «идею славянства» сводит лишь «к этнографической особенности этого племени», как писал Соловьев в статье для «Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона»²⁴. Данилевский, как указывает он, «выставил в качестве исторического закона непередаваемость культурных начал», вместе с тем христианство, «явившееся среди еврейского народа» и ставшее судьбоносным во всем мире, а после принятия его от Византии — и для России, обойдено его вниманием²⁵. Соловьев выделяет основные понятия Данилевского, такие, как «род», «вид» и «тип», а его рассуждения об упадке Европы и пути России считает не оригинальными в сравнении со славянофилами. Его удручает утверждение, что Россия не может считаться составной частью Европы, и ее путь — либо «со славянами», либо «быть ничем»²⁶.

Конечно, Иванов, как и Соловьев, не мог согласиться со многими суждениями Данилевского. Его философия культуры сформировалась на основе христианской веры в контексте русской религиозной философии²⁷. Шпенглер абсолютизирует биологическую идею роста, развития, завершения и цикличности, поэтому он отрицает единство общечеловеческой культуры.

О глубокой христианской направленности философии культуры Вяч. Иванова писал Э. Р. Курциус — автор книги «Европейская литература и латинское средневековье»

²² С. С. Аверинцев считал, что «сходство Шпенглера с Н. Данилевским в главных ходах мысли бросается в глаза, но генетическая связь недоказуема, ибо немецкий перевод книги Н. Данилевского появился лишь в 1920 г., когда концепция „Заката Европы“ давно была готова». См.: *Аверинцев С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера*. С. 203.

²³ *Иванов В. Родное и вселенское. Статьи (1914–1916)*. М.: Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917. С. 53.

²⁴ *Соловьев В. С. Данилевский // Философский словарь Владимира Соловьева*. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. С. 104–105.

²⁵ Там же. С. 105–106.

²⁶ См. в кн.: *Данилевский Н. Я. Россия и Европа*. М.: Древнее и современное, 2002. С. 401.

²⁷ См.: *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник*. 2020. № 1 (3). С. 338–355; *Титаренко Е. М., Титаренко С. Д.* «Культура — культ отшедших, и вечная память — душа ее жизни...»: Вячеслав Иванов и Николай Федоров // *Русско-Византийский вестник*. 2020. № 1 (3). С. 307–323.

(1948). Он исследовал повторяющиеся тематические константы — топосы — в творчестве различных европейских писателей и считал, что они являются основанием для сохранения духовной культуры человечества²⁸. В письме Курциусу от 27/28 февраля 1932 года Иванов сообщал, что его радует одобрение собеседником его статей, в которых он доказывал необходимость «трансцендентного обоснования культуры» как «достижение гуманизма» «во имя христианства», называя в качестве примера свое эссе «Кручи. О кризисе гуманизма» (Берлин, 1921)²⁹. Здесь же он изложил свое понимание модели трансцендентной культуры: «Европейская же культура, которую я имею смелость именовать христианским миром, — это еще с доэллинистических времен Восток и Запад. И Россия непременно останется именно европейским Востоком; ибо оба начала оплодотворяют друг друга и должны составлять органическое единство»³⁰.

Курциус в письмах к Иванову дал высокую оценку его пониманию христианской культуры в «Переписке из двух углов» — работе, написанной совместно с М. О. Гершензоном. Концепция культуры, которая нашла здесь отражение, близка идеям статей Иванова из его книги «Родное и вселенское». Их объединяет проблема угрозы мировой культуре со стороны цивилизации. Польский исследователь А. Дудек, изучая проблему соотношения религии и культуры в сочинениях Иванова, пишет, что автор чувствовал постоянную угрозу религиозной культуре. Анализируя его «Письмо к Дю Босу», он делает выводы, что «указанные Ивановым беспочвенность, искусственная, неодухотворенная организованность, забвение и мертвота как признаки цивилизации, предстающей в форме своеобразной пародии культуры, напоминают аналогичную оценку цивилизации в трактате Освальда Шпенглера „Закат Европы“ („Der Untergang des Abendlandes“, 1918–1922)»³¹.

В статье «Живое предание» Иванов, как уже было указано выше, обозначил феноменологический метод. Известен интерес Иванова к философии основателя этого метода немецкого ученого Э. Гуссерля, автора работ «Логические исследования» (1900–1901 г.), «Философия как строгая наука» (1911) и др., которые Иванов мог знать. Редактором первого перевода «Логических исследований» Гуссерля, где он провозгласил борьбу с психологизмом в философии, был С. Л. Франк³², поэтому его труды были известны представителям русской религиозной философии. В архиве Иванова сохранилась запись полемики восприятия идей Гуссерля: «Впечатления от системы Гуссерля», «рационализирование феномена, или рационализация интуиции», которое он определил как «противоречие в определении» — «*contrad <ictio> in adiecto*»³³. Гуссерль считал, что феноменология проблематизирует феномены сознания. Этому предшествует осознание темы, которая определяет наиболее значимые объекты, на которые направлено сознание, поэтому феноменология — это способ философствования о ценностно важном.

У Иванова, например, в уже упоминавшейся статье «Живое предание», есть аналогия размышлениям Гуссерля, где он указывает на явления «феноменологически-русского» и «чистой феноменологии». М. Грабар, рассматривая в контексте поэтического творчества статью Вяч. Иванова «Легион и соборность» из книги «Родное

²⁸ Книга недавно впервые вышла в русском переводе. См.: Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. / Пер. Д. С. Колчигина; под ред. Ф. Б. Успенского. М.: ЯСК, 2021.

²⁹ См.: Иванов В. Переписка с Э. Р. Курциусом / Пер. и подготовка текста М. Вахтеля // Текст и традиция: Альманах. № 4. СПб.: Росток, 2016. С. 391.

³⁰ Там же. С. 391–392.

³¹ Дудек А. Соотношение религии и культуры в мысли Вячеслава Иванова // Историческое и надвременное у Вяч. Иванова. К 150-летию Вяч. Иванова / Под ред. М. Плехановой и А. Шишкина. Салерно, 2017. С. 59.

³² Гуссерль Э. Логические исследования / Пер. с нем. Э. А. Берштейн; под ред. и с предисл. С. Л. Франка. Ч. 1. СПб.: Образование, 1909.

³³ См.: Обатнин Г. В. Запись Вяч. Иванова о системе Э. Гуссерля // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Сост. А. Б. Шишкин и др. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 431.

и вселенское», считает, что в начале XX в. феноменология на Западе в лице Гуссерля развивалась параллельно с мифотворчеством символизма³⁴.

Гуссерль писал, что трансцендентальность — это «мотив вопрошания о последнем источнике всех образований познания, об источнике осмысления познающим самого себя и своей познавательной жизни, где целенаправленно вводятся все значимые для него научные построения», источник познания «Я — сам, со всей моей жизнью действительного и возможного познания»³⁵. Трансцендентально-феноменологический метод предполагает направленность сознания на аксиологию. Используя символистские мифы, например, Вечной Женственности, Софии и др., Вяч. Иванов осуществляет концептуализацию универсалий русской религиозной философии и христианского сознания. Причиной этого стало стремление реализовать обоснование культуры на основе платонизма.

Для Шпенглера основой познания им сущности европейской культуры являются понятия европейской эстетики: «тело», «число», «бесконечность» и др. Он создает новую мифологию, выделяя «аполлоновскую» или «фаустовскую культуру». Приходящий ему метод «физиогномики» становится способом создания образа культуры. Степун писал: «Блестяще пользуясь задолго до Шпенглера методом „физиогномики“, Вячеслав Иванов раскрывает свою основную мысль о противоположности двух символизмов как в сфере музыки, так и театра, занимавших в его художественных медитациях всегда очень видное место...»³⁶ Это суждение Степуна касается философско-символического понимания культуры и Ивановым, и Шпенглером.

Свой метод «физиогномики» или «нефилософской философии» как источник познания Шпенглер раскрывает в книге «Закат Европы». Метод «физиогномики» ему был важен для того, чтобы постичь первофеномены или первоформы культуры как символы сознания. Первофеномен, согласно философии Гете, — прообраз органического становления, что было важно для Шпенглера³⁷. Шпенглер считал, что «Фауст — портрет целой культуры. <...> Но настоящий портрет в смысле Рембрандта есть „физиогномика“ т. е. история, заколдованная в мгновение»³⁸. Шпенглеровская «физиогномика», по мысли Степуна, — это «артистическая практика духовного портретирования», т. к. «Шпенглер берет науку, искусство, религию, политику, быт, пейзаж определенной эпохи и, освобождая все эти ценности от ярма объективной сверхисторической значимости, рассматривает их исключительно как символические образы...»³⁹ Анализируя книгу Шпенглера, А. Ф. Лосев также вслед за Степуном пишет, что у немецкого философа прасимвол является основанием культуры⁴⁰. И если символом античной культуры, по Шпенглеру, является «аполлоновская душа» и культ тела, то европейской — бесконечное пространство, выражением которого стала «фаустовская культура» и «фаустовская душа».

Подобный символический метод «физиогномики» находим у Иванова в книге «Родное и вселенское». В статье «Вселенское дело» еще задолго до появления книги Шпенглера он определяет первофеномен европейской культуры как «фаустовский», указывая, что Гете показал его «как синтетический тип немецкого духа в его

³⁴ Грабар М. Вячеслав Иванов или Эдмунд Гуссерль: Мифотворчество и феноменология как две параллельные попытки решить гносеологическую сторону проблемы кризиса европейской культуры // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Межд. симпозиума. Вена, 1998 / Ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. Fr. a. Main: Lang, 2002. С. 213.

³⁵ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 138.

³⁶ Степун Ф. А. Вячеслав Иванов // Его же. Портреты. Мюнхен: Тов-во заруб. писателей, 1962. С. 147.

³⁷ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. С. 263.

³⁸ Там же. С. 258.

³⁹ Степун Ф. А. Освальд Шпенглер и Закат Европы // Освальд Шпенглер и Закат Европы. С. 9.

⁴⁰ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 39.

исторических судьбах от эпохи реформации до новейших времен», но «Фауст одряхлел», «творит и осуществляет» в новейшее время «именно внешнюю культуру» как «формально соподчиненное и упорядоченное упражнение обособленных знаний, умений и деятельностей и приписывает культуру себе»⁴¹.

Символизм мышления присущ и Шпенглеру, и Иванову, они оперируют понятиями прасимвола как первофеномена, лежащего в основе каждой великой культуры. Но у Шпенглера нет анализа глубинного источника формирования европейской духовной культуры — христианской религии. Об этом явлении писал Лосев, указывая, что «Шпенглер проморгал христианство, растворивши его в арабской и новоевропейской культуре»⁴².

Христианство Иванов мыслил основанием европейской культуры, в отличие от Шпенглера. Он находил корни христианства в дионисийском культе, чему были посвящены его книги «Эллинская религия страдающего бога» (верстка — 1917) и «Дионис и прадионисийство» (1923). Поэтому, по Иванову, «дионисийский» первофеномен славянской культуры обуславливает ее глубинную близость эллинизму и христианству. В статье «Духовный лик славянства» он определяет дионисийскую жертвенность как «внутренний образ» славянской культуры: «Истыми поклонниками Диониса были они, — и потому столь похож их страстной удел на жертвенную долю самого извечно отдающегося на растерзание <...> страдающего бога эллинов»⁴³.

Его тезаурус как последователя идей Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева основан не только на знании мировой культуры, как у Шпенглера, но на вере и понимании христианства как религии спасения и преображения. В этом плане сравнение книги Шпенглера и сборника Иванова дает возможность понять глубочайшее различие их моделей культуры. Культурфилософские мифогенные понятия «фаустовская культура», «фаустовская душа» у Вяч. Иванова имеют символический характер, т. к. в новейшее время они обозначают тип «одряхлевшей» европейской культуры и «омертвевшей» души «фаустовского человека», как уже было указано выше.

Важным для сравнения является также понятие «готика». Шпенглер пишет, что готика сотворила «нового человека, новый мир», «от идеи католицизма до государственной идеи немецких императоров...»⁴⁴ Готику и барокко он считает «первофеноменом» европейской «фаустовской культуры», выделяя антиготические явления в ней, например, Ренессанс⁴⁵. Готику он понимает как стиль, формирующий бытие «души культуры», как и другие стили: «древних форм», «дорики», «раннеарабского мира», «стиля пирамид», «Ренессанса» как «поздней готики»⁴⁶. Анализируя книгу Шпенглера, К. Свасьян пишет, что «христианству-то место как раз и нашлось;

Портрет Вячеслава Иванова.
Худ. И. К. Пархоменко, 1910 г.

⁴¹ Иванов В. Вселенское дело // *Его же. Родное и вселенское*. С. 9–10, 12.

⁴² Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. С. 497.

⁴³ Иванов В. Духовный лик славянства // *Его же. Родное и вселенское*. С. 201.

⁴⁴ Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. С. 405.

⁴⁵ Там же. С. 418.

⁴⁶ См. там же схемы культурных и исторических циклов. С. 193–199.

Ульмский готический собор — самый высокий собор мира, расположенный в немецком городе Ульм (земля Баден-Вюртемберг).
Заложен в конце XIV в.

тайнство личного покаяния. Воля к власти, обнаруживаемая также и в сфере этического, страстное желание возвести свою мораль во всеобщую истину, навязать ее человечеству, переиначить, преодолеть, уничтожить всякую иную мораль — все это исконнейшее наше достояние. В этом смысле мораль Иисуса, статически-духовное, предписанное магическим мироощущением в качестве целительного средства поведение, знакомство с которым даруется как особая милость, в раннеготическую эпоху внутренне трансформировалась в повелевающую мораль — глубокий смысл этого процесса никем еще не был понят⁵⁰.

Тезаурус Шпенглера, связанный с пониманием им истории христианства в Европе, сведен им к таким топосам, как «„позднеантичный“ псевдоморфоз», «первохристианство — магическая религия», «магическое христианство Иисуса», «фаустовское христианство германских рыцарей», «новое христианство своего времени», «фаустовское христианство Европы», «фаустовское германо-католическое христианство», «восточное христианство», «импрессионистическое христианство», «мнимое христианство», «мнимое („истинное“) христианство».

Его задачей было воссоздать «картины души» методом «физиогномики». Это «душа Запада», представленная «физиогномикой» «аполлоновской души», «магической души» и «фаустовской души». Такая душа порождает то, что Шпенглер называет

его исторические судьбы в каком-то смысле даже отвечали шпенглеровскому плюрализму, так что он мог не без удовлетворения говорить о христианствах арабском, готическом, русском, столь же изолированных друг от друга, как математики Евклида, аль-Хорезми и Декарта...»⁴⁷

Действительно, Шпенглер, размышляя о средневековом христианстве в Европе, пишет, что «„Средние века“ — это история территории, на которой господствовал церковный и ученый латинский язык. Властные судьбы восточного христианства <...> не годятся для этой „всемирной истории“». ⁴⁸ Он проповедует арабское происхождение христианства: «Фаустовская душа готики, уже самым арабским происхождением христианства ведомая по пути своего благоговения, ухватилась за богатую сокровищницу позднеарабского искусства»⁴⁹. Он считает византийское влияние чуждым «фаустовскому христианству» и пишет:

Не христианство переделало фаустовского человека, а он переделал христианство, и притом не только в новую религию, но и в направление новой морали. «Оно» преобразуется в Я, концентрирующее в себе весь пафос средоточия мира, на чем и зиждется

⁴⁷ Свасьян К. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. С. 99.

⁴⁸ Там же. С. 152.

⁴⁹ Шпенглер О. Закат Европы. С. 383.

⁵⁰ Там же. С. 527–528.

На Руси (Душа народа). Худ. М. В. Несторов, 1914 г.

«фаустовской мифологией»⁵¹. Но для «фаустовской души существенное заключалось в догме, а не в зримом культе»⁵², — заключает он. Цивилизация, по его мнению, — это существование культуры без «внутренних форм», это привычка, роскошь, стресс, модные стили и заимствования, лишенные символического содержания. Это конец развития форм вообще, театральность и подражательность и «растворение» «народного тела».

Шпенглер европейской «фаустовской культуре» противопоставляет прасимвол «русскости» — «бесконечную равнину», которая «не находит пока твердого выражения как в религиозном, так и в архитектурном отношении»⁵³. Он считает, что «фаустовская вертикаль» чужда русской душе, и даже Бог-отец понимается, скорее, как брат. «Даже Христос ощущается как брат, — считает он. — Фаустовское, совершенно вертикальное стремление к личному совершенствованию представляется подлинному русскому тщеславным и непонятым»⁵⁴.

Шпенглер, ссылаясь на философию Гете, ценил его учение об образе, принципы морфологии и «метаморфоза». Вяч. Иванов использует не столько принципы морфологии Гете, как Шпенглер, а подход, близкий феноменологии Э. Гуссерля, концептуализируя феномены истории и мировой культуры, отраженные в христианском сознании. Поэтому Шпенглер концептуализирует понятия «фаустовская культура» и «цивилизация» как ее «закат», а Иванов — «христианская культура» и «Церковь» как основание духовности и «вселенского единения».

Статья «Вселенское дело», открывающая книгу Иванова «Родное и вселенское», имеет проповеднический и пророческий смысл. Лейтмотивным для нее, как и для всего цикла статей, становится понятие «вселенский». Иванов пишет: «Церковь научила нас означать словом „вселенский“ нечто, чего не объемлют и огромные слова „мировой“ и „всемирный“; его мы употребляем в смысл не внешне-пространственном, но глубинном и духовном. <...> Говоря о вселенском деле, я говорю о действии духа, о деле духовном. Ибо человечество, как единство соборное, есть человечество в Духе и Истине»⁵⁵.

Категория пространства, как известно, одна из основных у Шпенглера. Западный мир есть бесконечное пространство вертикали, согласно его теории, а прасимвол «русскости» — горизонталь. Иванов определяет пространство как явление «вселенской» духовности, для него готика европейской культуры и прежде всего готический собор — это символ трансформации индивидуальной души человека в мистическую

⁵¹ Там же. С. 594.

⁵² Там же. С. 607.

⁵³ Там же. С. 368.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Иванов В. Вселенское дело // *Его же. Родное и вселенское*. С. 5–6.

христианскую соборную Церковь. Этот художественный образ представляет большой интерес, т.к. он является идеалом нового религиозного искусства и устремленности души к бытию Бога⁵⁶.

Модель христианской культуры, о которой пишет Иванов в книге «Родное и вселенское», близка В. С. Соловьеву. В своей работе «Русская идея» (1889) Соловьев писал, что «истинная русская идея» — «откровенное Слово Божие»⁵⁷. А «человечество уже не абстрактное существо, его субстанциональная форма реализуется в христианском мире, во Вселенской Церкви»⁵⁸. Шпенглер во втором томе «Заката Европы» рассуждал о зарождении русско-сибирской культуры, которая может сменить «фаустовскую» европейскую культуру, и это еще «живая душа» по сравнению с омертвевшей душой Европы. Он упомянул Византию и ее столицу Константинополь, который, как он пишет, «неодолимо влек к себе русских: возвещая русскую предкультуру»⁵⁹. Для русских характерна «тяга к святому югу, к Византии и Иерусалиму, глубоко заложная в каждой православной душе»⁶⁰.

Шпенглер размышлял о различии «фаустовской души» человека и «русской души», что укоренено в немецком и русском языке:

Несоизмеримое различие фаустовской и русской души обнаруживается в некоторых словесных звучаниях <...>. В русской мистике нет ничего от того устремленного вверх горения готики, Рембрандта, Бетховена, горения, которое может дойти до штурмующего небеса ликования. Бог здесь — это не глубина лазури там, в вышине. Мистическая русская любовь — это любовь равнины, любовь к таким же угнетенным братьям, и все понизу, по земле, по земле... Русская «воля», наша «Wille» значит прежде всего отсутствие долженствования, состояние свободы, причем не для чего-то, но от чего-то, и прежде всего от обязанности личного деяния. Geist, esprit, spirit — все это я, русское же «дух». Что за христианство произойдет некогда из этого мироощущения?⁶¹

Концептуализируя понятия «фаустовская культура» и «фаустовская душа» европейской культуры, он стремится постичь непостижимое — «русскую душу», «русскую идею» и чуждую европейцу православную духовность, воплощенную в таких понятиях, о которых он размышляет, — «святость», «святые», «братскость» русского человека, «распластование» души верующего «во Христе». Вместе с тем он считает, что «подлинные знание и духовенство в русском стиле оформятся лишь в будущем»⁶².

Тезаурус Вяч. Иванова составляют образы-идеи и образы-понятия русской православной духовности и религиозной философии: «вселенские судьбы», «соборность», «вселенское дело», «соборное единение», «родное и вселенское», «вселенский смысл», «отечественное дело», «душа родной земли», «душа народа», «народные ангелы», «Божий и человеческий суд», «страстная чаша», «Божественный промысел», «свободное самоопределение» и др.

Иванов пишет о крушении гуманистических и религиозных ценностей в Германии и Европе в связи с тем, что на смену им идет «национальный дух»:

Понятием «культура» определяют они смысл человеческого бытия; достоинство культуры измеряют ее напряжением, — не духовностью; наиболее интенсивную

⁵⁶ См. об этом подробнее: *Титаренко С. Д.* «Вот тайна сводов сих...»: средневековый символизм и готический собор у Вяч. Иванова // *Europa Orientalis*. 2023. Vol. 1. S. 279–295.

⁵⁷ *Соловьев В. С.* Русская идея. С. 17.

⁵⁸ Там же. С. 19.

⁵⁹ *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. С. 91.

⁶⁰ Там же. С. 198.

⁶¹ Там же. С. 307 (примеч.).

⁶² Там же. С. 349.

и, следовательно, наилучшею культурою провозглашают свою. <...> Современная германская культура — не что иное, как всеобъемлющая организация германской воли к порабощению мира...»⁶³

Этой проблематике посвящены такие его статьи, как «Легион и соборность», «Славянская мировщина», «Россия, Англия и Азия», «Живое предание», «Польский мессианиззм как живая сила». Вяч. Иванов выдвигает понятие «живая душа» России, «живая душа» Польши, «живая душа» Чехии.

Особенно значимой является его статья «Духовный лик славянства» как итог размышлений, обогащенных исследованием творчества Достоевского. «Из каких нравственных корней вырастает славянское самосознание и до каких духовных основ оно углубляется?»⁶⁴ — задает он вопрос и выдвигает понятие «соборность», под которым понимается «обретение личного в целом»⁶⁵.

Именно Достоевский, по мнению Иванова, дает ответы на вопросы о кризисе культуры как кризисе веры. Как к пророку культуры он обращается к Достоевскому. Существенное значение имеют его статьи «Легион и соборность», «Лик и личины России». Здесь выдвигается идея соборного единения, поэтому основополагающий смысл имеют такие слова, как «Русь Святая», «Христова Русь» и оппозиция «Русь тления» — «Русь мертвых душ». Христианская культура виделась Иванову целью развития мировой истории как результат становления «духовной Феократии», о чем он писал С. И. Гессену 6 апреля / 24 марта 1913 г., отказываясь от сотрудничества в журнале «Логос» из-за разногласий в понимании сущности культуры⁶⁶.

В статье «Сирин ученого варварства (по поводу книги В. Иванова „Родное и вселенское“») А. Белый осудил Иванова за его суждения, что в революции не нашлось места для религии, и она внерелигиозна. Он писал об идеале соборности, провозглашенном автором, указывая, что «соборность» в его понимании — лишь «обетование»⁶⁷, Иванов «трагедии с народной соборностью, — в революции русской не увидел...», поэтому его теория — это «абстракция о Духе»⁶⁸. В статье «Революция и народное самоопределение» у Иванова появляются топосы «последняя надежда», «лик Смерти», «Солнце могил», «роковой молот», «страшные роды», «правда Божия», «правда земли», «Христов закон», «Святая Русь»⁶⁹. Автор призывал «прийти в разум истинный, исполниться смиренномудрием и мужеством, вспомнить прежнюю верность <...> живой родине и народу-лицу, — не народу-понятию, — и вековечным устоям пронесенных им чрез века чаяний Христовой правды на земле»⁷⁰. Поэтому модель культуры, созданная русским мыслителем в тяжелейший период русской истории, представляет значительный интерес, т.к. она возникла в русле развития русской религиозной философии на основе животрепещущей идеи возврата к традициям духовности, укорененным в христианской религии, и их возрождения в новой исторической реальности.

⁶³ Иванов В. Вселенское дело // *Его же*. Родное и вселенское. С. 13.

⁶⁴ Иванов В. Духовный лик славянства // Там же. С. 198.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Иванов В. «Для меня культура становление духовной Феократии». Неизвестное письмо С. И. Гессену / Вступ. статья, подг. текста и примеч. А. И. Резниченко // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 395.

⁶⁷ Белый А. Сирин ученого варварства (по поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). С. 443.

⁶⁸ Там же. С. 446–447.

⁶⁹ Иванов В. Революция и народное самоопределение // *Его же*. Родное и вселенское. С. 182.

⁷⁰ Там же. С. 175.

Источники и литература

1. *Аверинцев С. С.* «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. Ежегодник Философского общества СССР. 1991. Культура и религия. М.: Наука. С. 183–203.
2. *Белый А.* Сирин ученого варварства (по поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское») // Вяч. Иванов: pro et contra: Антология / Сост. К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин; коммент. Е. В. Глухой, К. Г. Исупова, С. Д. Титаренко, А. Б. Шишкина и др. СПб.: РХГА, 2016. С. 441–448.
3. *Бердяев Н. А.* Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и Закат Европы: Сб. ст. М.: Берг, 1922. С. 55–72.
4. *Браудо Е. М.* Освальд Шпенглер и «Крушение западной культуры» // Парфенон / Под ред. А. Л. Вольнского. СПб., 1922. С. 27–31.
5. *Вахтель М.* Переписка Вяч. Иванова с Э. Р. Курциусом / Пер., публ. и коммент. М. Вахтеля // Текст и традиция: Альманах. № 4. СПб., 2016. 386–402.
6. *Вышеславцев Б. П.* Закат Европы: (Об Освальде Шпенглере) // Феникс. М., 1922. Кн. 1. С. 114–122.
7. *Грабар М.* Вячеслав Иванов или Эдмунд Гуссерль: Мифотворчество и феноменология как две параллельные попытки решить гносеологическую сторону проблемы кризиса европейской культуры // Вячеслав Иванов и его время: Материалы VII Межд. симпозиума. Вена, 1998 / Ред. С. Аверинцев, Р. Циглер. Fr. a. Main: Lang, 2002. С. 199–213.
8. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004. 399 с.
9. *Гуссерль Э.* Логические исследования / Пер. с нем. Э. А. Берштейн; под ред. и с предисл. С. Л. Франка. Ч. 1. СПб.: Образование, 1909. 224 с.
10. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Древнее и современное, 2002. 548 с.
11. *Дудек А.* Соотношение религии и культуры в мысли Вячеслава Иванова // Историческое и надвременное у Вячеслава Иванова: к 150-летию Вяч. Иванова. X Международная конф. / Под ред. М. Б. Плюхановой и А. Б. Шишкина. Салерно, 2017. С. 55–77.
12. *Иванов В.* «Для меня культура становление духовной Феоκραтии». Неизвестное письмо С. И. Гессену / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. И. Резниченко // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 386–398.
13. *Иванов В.* Достоевский: Трагедия. Миф. Мистика / Отв. ред. А. Б. Шишкин, О. А. Фетисенко; пер. с нем. Д. Вяч. Иванов и М. Ю. Коренева; коммент. Н. М. Сегал-Рудник, С. Д. Титаренко, О. Л. Фетисенко при участии К. А. Баршта, Л. Л. Ермаковой, К. Г. Исупова. СПб.: Пушкинский дом, 2023. 476 с.
14. *Иванов В.* Любовь — мираж? / Предисл. Д. В. Иванова и А. Б. Шишкина, подгот. текста А. Б. Шишкина // Europa Orientalis. 2001. Vol. 3. С. 49–132.
15. *Иванов В.* Родное и вселенское. Статьи 1914–1916. М.: Издание Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1918. 205 с.
16. *Иванов В.* Русская идея / Пер. с нем. М. Кореновой, предисл. и коммент. Р. Берда // Символ: журнал христианской культуры. 2008. № 53–54. С. 85–134.
17. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.
18. *Исупов К. Г.* О Шпенглер и Вяч. Иванов // Исупов К. Г. Судьбы классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века. СПб.: РХГА, 2010. С. 536–547.
19. *Курциус Э. Р.* Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т./ Пер. Д. С. Колчигина; под ред. Ф. Б. Успенского. М.: ЯСК, 2021.
20. *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1993. 959 с.
21. *Обатнин Г. В.* Запись Вяч. Иванова о системе Э. Гуссерля // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / Сост. А. Б. Шишкин и др. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 431–445.

22. *Обатнин Г. В.* Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: между Св. Писанием и поэзией: VIII Междунар. конф. (28 окт. — 1 нояб. 2001, Рим): В 2 т. Т. 2. Салерно, 2002 (Europa Orientalis. 2002. Vol. XXI (2)). С. 261–344.
23. *Свасьян К. А.* Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993. С. 5–122.
24. *Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б.* «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // *Русско-Византийский вестник.* 2023. № 4 (15). С. 144–175.
25. *Соловьев В. С.* Владимир Святой и христианское государство / Пер. с фр. Г. А. Рачинского. М.: Путь, 1913. 51 с.
26. *Соловьев В. С.* Данилевский // *Философский словарь Владимира Соловьева.* Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. С. 101–109.
27. *Соловьев В. С.* Россия и Вселенская Церковь / Пер. с фр. Г. А. Рачинского. М.: Путь, 1911. 456 с.
28. *Соловьев В. С.* Русская идея / Пер. с фр. Г. А. Рачинского. М.: Путь, 1911. 51 с.
29. *Степанова А. А.* «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг.: поэтология фаустовской культуры. СПб.: Алетейя, 2015. 494 с.
30. *Степун Ф. А.* Бывшее и несбывшееся. М.: Прогресс-Литера; СПб.: Алетейя, 1995. 649 с.
31. *Степун Ф. А.* Освальд Шпенглер и Закат Европы // *Освальд Шпенглер и Закат Европы:* Сб. ст. М.: Берег, 1922. С. 6–54.
32. *Степун Ф. А.* Письмо Шпенглеру. Пер. с нем. Р. Гергеля; под ред. В. К. Кантора // *Степун Ф. А.* Письма / Сост. коммент., вступ. статья В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. С. 222–233.
33. *Тахо-Годи Е. А.* Немецкий фон «Римских сонетов» Вяч. Иванова (О мотивах плаванья-странствия, слепоты и заката и об их связи с ивановской концепцией культуры и истории) // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Материалы Междунар. науч. конф. 9–11 сентября 2002 г. Томск; М.: Водолей, 2003. 328 с.
34. *Тиме Г. А.* Миф о «закате Европы» в мировоззренческой самоидентификации России начала 1920-х гг. // *Тиме Г. А.* Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX–XX веков. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 246–267.
35. *Титаренко Е. М., Титаренко С. Д.* «Культура — культ отшедших, и вечная память — душа ее жизни...»: Вячеслав Иванов и Николай Федоров // *Русско-Византийский вестник.* 2020. № 1 (3). С. 307–323.
36. *Шишкин А. Б.* Предисловие // Федор Степун — Ольга Шор: из переписки 1920-х годов; подг. текста, примеч. А. Волкова // *Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge).* 2013. Vol. 1. S. 244–275.
37. *Шпенглер О.* Закат Европы / Пер. с нем. под ред. А. А. Франковского. Т. 1, ч. 1: Причинность и судьба. Пб.: Academia, 1923. 212 с.
38. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность / Пер. с нем. и примеч. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. 663 с.
39. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
40. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. Образ подлинности / С предисл. А. Деборина; пер. с нем. Н. Ф. Горелина. Т. 1: Образ и действительность. М.; Пг.: Л. Д. Френкель, 1923. 467 с.
41. *Шпенглер О.* Философия будущего (Из кн. «Закат Европы» — «Der Untergang des Abendlandes») / Пер. с нем. Иваново-Вознесенск, 1922. 48 с.